

Непреходящая привлекательность национализма

Фреди Перлман

1984 год

За последние 100 лет уже не раз заявляли, что национализм мертв.

Так было после Первой мировой войны, когда последние европейские империи – Австрийская и Турецкая – распались на отдельные национальные государства, и не осталось обездоленных наций, за исключением сионистов.

Так было после большевистского переворота, когда было провозглашено, что буржуазная борьба за национальное самоопределение уступила место борьбе трудящихся, у которых нет родины.

Так было после военного разгрома фашистской Италии и национал-социалистической Германии, когда все смогли увидеть, что национализм ведет к геноциду, и казалось, будто он раз и навсегда дискредитирован на практике.

Теперь, десятилетия спустя после разгрома фашистов и национал-социалистов, мы видим, что национализм не только выжил, но возродился и набирает силу. Его оживляют не только так называемые правые, но прежде всего – так называемые левые. Национализм перестал ограничиваться лагерем консерваторов; он стал верой и практикой революционеров; он объявляет себя единственным настоящим революционным учением.

Левые или революционные националисты утверждают, будто их национализм не имеет ничего общего с фашистским или нацистским, что это национализм угнетенных, открывающий путь личного и культурного освобождения. Притязания революционных националистов распространяются по миру двумя древнейшими иерархиями, дожившими до нашего времени, – Китайским государством и католической церковью. Современный национализм подается как стратегия, наука и теология освобождения, как воплощение постулата Просвещения о «знании – силе», как убедительный ответ на вопрос «что делать».

Бросая вызов этим притязаниям и рассматривая их в исторической взаимосвязи, я намереваюсь поставить вопрос: что такое национализм (не только революционный, но и старый, консервативный). Не могу начать с определения слова, потому что национализм – это не слово, имеющее статичное определение; это термин, за

которым скрываются хронологическая последовательность различных исторических опытов. Я начну с краткого описания некоторых из них.

Согласно общераспространенному, но ошибочному (и манипулятивному) представлению, империализм – это сравнительно новое явление, заключающееся в колонизации всего мира; это – последняя стадия капитализма. Этот диагноз породил и специфическое лечение: национализм воспринимался как средство противодействия империализму, а национальные войны – как средство разрушения капиталистической системы.

Данный диагноз служил определенной цели, но не объяснял события или ситуации. Мы окажемся ближе к истине, если поставим эту теорию на голову и скажем, что империализм был первой стадией капитализма, что мир подвергался колонизации со стороны сменявших друг друга государств-наций, и что национализм – это нынешняя и (будем надеяться) последняя стадия капитализма. Соответствующие факты открыты не вчера; они так же хорошо известны, как и отрицающая их ложная теория.

По вполне понятным причинам, удобно забывать о том, что, вплоть до последних столетий, господствующими державами в Евразии были не государства-нации, а империи. Поднебесная империя, управляемая династией Мин, исламская империя, управляемая Османской династией, и католическая империя, управляемая династией Габсбургов, делили между собой власть над известным тогда миром. Из этих трех, католическая была не первой, а последней. Поднебесная империя Минов управляла большей частью Восточной Азии и отправляла огромные торговые флоты за океаны за столетие до того, как вышедшие в море католики вторглись в Мексику.

Те, кто воспевают деяния католиков, забывают о том, что между 1420 и 1430 гг. китайский императорский чиновник Чжэн Хэ возглавил морскую экспедицию с участием 70 тысяч человек и плавал не только в близлежащие Малайю, Индонезию и на Цейлон, но даже в такие далекие от родных портов земли, как Персидский залив, берега Красного моря и Африка. Певцы католических конкистадоров также преуменьшают имперские деяния Османов, которые завоевали все – кроме самых западных – провинции бывшей Римской империи, правили Северной Африкой, Аравией, Средним Востоком и половиной Европы, контролировали Средиземное море и стучались в ворота Вены. Имперским католикам пришлось отправляться на Запад, за пределы известного тогда мира, чтобы избежать окружения.

Тем не менее, именно имперские католики «открыли Америку», и геноцид, разрушения и грабеж, которыми сопровождалось это «открытие», изменили баланс сил между империями Евразии.

Были бы имперские китайцы и турки менее смертоносными, если бы это они «открыли Америку»? Все три империи рассматривали иностранцев как недочеловеков и, следовательно, как законную добычу. Китайцы считали всех других варварами, мусульмане и католики – неверными. Термин «неверный» не столь жесток, как «варвар», поскольку неверный перестает быть законной добычей и становится зрелым человеческим существом в результате простого акта перехода в истинную веру, тогда как варвары остаются добычей, пока не будет переделан цивилизаторами.

Термин «неверные» и стоявшая за ним мораль вступали в противоречие с практикой завоевателей-католиков. Противоречие между верой и делами было обличено уже довольно ранним критиком – священником по имени Лас-Касас, который отмечал, что церемонии обращения в веру служили предлогом для того, чтобы отделить и истреблять необращенных, и что с самим обращенными обращались не как с братьями-христианами, а как с рабами.

Критика Лас-Касаса не более чем слегка смутила католическую церковь и императора. Были приняты законы и направлены расследователи, но все это возымело мало эффекта, поскольку две цели католических экспедиций – обращение неверных и грабеж – противоречили друг другу. Большинство людей церкви примирились сами с собой, спасая золото и обрекая на проклятия души. Католический император все больше зависел от награбленных благ, необходимых для того, чтобы пополнять имперскую казну, содержать армию и флот, которые делали возможными новые грабежи.

Грабеж продолжал преобладать над обращением, но католики оставались в смущении. Их идеология не слишком соответствовала их практике. Их главные завоеваний были обращены против ацтеков и инков, которых они описывали как империи с институтами, похожими на институты Габсбургской империи, а религиозную практику – как демоническую, наподобие официального врага, «языческой» империи Османских турок. Но большинство войн на уничтожение велось католиками против общин, которые не имели ни императоров, ни постоянных армий. Подобные деяния, хотя и постоянно повторялись, вступали в конфликт с идеологией и не содержали в себе ничего героического.

Имперские католики так и не разрешили противоречие между верой завоевателей и их практикой. Это противоречие было разрешено провозвестниками новой социальной формы – нации-государства. Двое из таких провозвестников появились в одном и том же, 1561 году, когда один из императорских заморских авантюристов провозгласил свою независимость от империи, а ряд банкиров и поставщиков императора начали войну за независимость.

Заморский авантюрист Лопе де Агирре не сумел добиться поддержки и был казнен. А банкиры и поставщики императора мобилизовали население нескольких имперских провинций и смогли отторгнуть их от империи (эти провинцией стали позднее называться Голландией).

Два этих события еще не были борьбой за национальное освобождение. Они были провозвестниками будущих событий. И в то же время – наследием прошлых времен. В когда-то существовавшей Римской империи гвардейцы-преторианцы охраняли императора, присваивали себе все больше императорских функций и, в конце концов, осуществляли императорскую власть вместо самого императора. В исламской империи арабов халиф использовал телохранителей-турок для защиты своей персоны; турки-гвардейцы, подобно римским преторианцам, присваивали все больше функций халифа, пока, наконец, не взяли под контроль императорский дворец и императорскую канцелярию.

Лопе де Агирре и голландские вельможи не были телохранителями габсбургских монархов, но колониальный авантюрист из Анд и голландские торговые и финансовые дома выполняли важные имперские функции. Эти бунтари, наподобие прежним

римским и турецким гвардейцам, стремились освободиться от духовной неполноценности и материального бремени служения императору; они уже пользовались властью императора, и император был для них не более, чем паразитом.

Колониальный авантюрист Лопе де Агирре оказался, со всей очевидностью, ничемным бунтарем; его время еще не пришло. Голландские вельможи не были ничемными, и их время настало. Они не свергли империю, а рационализировали ее.

Голландские торговые и финансовые дома уже владели большей частью богатства Нового Света; они приобрели его в оплату за снабжение императорского флота, армии и казны. Теперь же они принялись грабить колонии от собственного имени и ради собственной выгоды, стряхнув паразита-сюзерена. А поскольку они были не католиками, а протестантами-кальвинистами, их не смущало никакое противоречие между верой и делами. Они не верили в спасение душ. Их кальвинизм учил, что непостижимый бог уже спас или проклял все души в самом начале времен, и никакой голландский священник не может изменить его предустановление.

Голландцы не были крестоносцами; они занялись негероическим и не знающим шуток грабежом, схожим с бизнесом, рассчитанным и упорядоченным. Отправлявшиеся на грабеж эскадры отплывали и приплывали по расписанию. То, что подвергавшиеся грабежу иностранцы были неверными, стало куда менее важным, чем то обстоятельство, что они не были голландцами.

Первопроходцы с Запада Евразии придумали термин «дикари». Он был синонимом термина «варвары» в Поднебесной империи Восточной Евразии. Оба термина рассматривали человеческих существ как законную добычу.

На протяжении последующих двух столетий вторжения, покорение и конфискации, начатые Габсбургами, копировались другими европейскими правящими домами. Если смотреть через очки националистических историков, то и первоначальные колонизаторы и их позднейшие имитаторы выглядят как нации – Испания, Голландия, Англия, Франция. Но глядя с выигрышной позиции расстояния во времени, колонизирующими силами были Габсбурги, Тюдоры, Стюарты, Бурбоны и Оранские – а именно, династии, такие же, как правящие дома, которые боролись между собой за богатство и власть со времен падения Западной Римской империи.

Завоеватели могут рассматриваться с обеих удобных точек зрения, потому что происходил переход. Эти образования уже не были феодальными владениями, но они не были еще и полноценными нациями. Они уже обладали некоторыми атрибутами государств-наций, но еще не всеми. Главным недостающим элементом были национальные армии. Тюдоры и Бурбоны уже манипулировали английскостью и французскостью своих подданных, особенно в войнах против подданных другого монарха. Но ни шотландцы и ирландцы, ни корсиканцы и провансальцы не привлекались к тому, чтобы сражаться и умирать ради «любви к своей стране». Война была обременительной феодальной ношей, барщиной; единственными патриотами были патриоты Эльдорадо.

Принципы того, чему предстояло стать националистическим кредо, притягивали не правящие династии, которые цеплялись за свои собственные испытанные и

проверенные принципы. Новые принципы привлекали высших служителей династий, их кредиторов, торговцев пряностями, военных поставщиков и колониальных грабителей. Эти люди, такие как Лопе де Агирре и голландские вельможи, подобно римским и турецким гвардейцам, выполняли ключевые функции, но все еще оставались слугами. Многие, если не большинство из них, горели желанием сбросить своё недостойное положение и, избавившись от паразита-сюзерена, приняться за эксплуатацию соотечественников и грабеж колоний от своего имени и ради собственной выгоды.

Ставшие позднее известными, как буржуазия, или средний класс, эти люди стали богатыми и могущественными со времен первых флотилий, отплывавших на Запад. Часть их богатства текла из ограбленных колоний, как плата за услуги, оказанные императору; эти богатства позднее назвали первоначальным накоплением капитала. Другая часть проистекала из ограбления их местных соотечественников и соседей методом, который позднее стал известен как капитализм; этот метод не был совершенно новым, но он широко распространился после того, как средние классы получили в свои руки серебро и золото Нового Света.

Эти средние классы уже пользовались значительной мощью, но у них еще не было опыта обладания центральной политической властью. В Англии они свергли монарха и провозгласили республику, но, испугавшись, что народная энергия, мобилизованная ими против высшего класса, может теперь обратиться против среднего класса, они вскоре восстановили другого монарха из той же самой династии.

Национализм в действительности не стал самим собой вплоть до конца 1700-х гг., когда два взрыва, с промежутком в 13 лет, опрокинули относительную устойчивость высших классов и навсегда изменили политическую географию Земного шара. В 1776 г. Колониальные торговцы и авантюристы возродили дело Агирре: они провозгласили свою независимость от правящей заморской династии, превзойдя своего предшественника благодаря тому, что они мобилизовали других поселенцев, и сумели отделиться от Британской империи Ганноверского дома. А в 1789 г. просвещенные торговцы и клерки превзошли своих голландских предшественников, мобилизовав уже не несколько отдаленных провинций, но все подданное население, низвергнув и уничтожив правящего монарха-Бурбона и превратив все феодальные узы в узы национальные. Два этих события ознаменовали конец целой эры. Отныне даже выжившие династии стремительно или постепенно стали националистами, а сохранившиеся королевские владения все больше и больше стали приобретать черты государств-наций.

Обе революции века Просвещения были очень разными и внесли различные и даже противоречащие друг другу элементы в идею и практику национализма. Я не собираюсь здесь анализировать эти события, но лишь напомню читателю о некоторых из этих элементов.

Обе революции успешно разбили узы верности монархическому дому и закончились установлением капиталистических государств-наций, но между первым и последним актом они имели мало общего. Главные вдохновители обоих бунтов были

знакомы с рационалистическими доктринами Просвещения, но самозванные американцы ограничились политическими проблемами, прежде всего, – проблемой установления государственной машины, которая могла продолжать работать после прекращения правления короля Георга. Большинство французов пошли гораздо дальше; они поставили проблему перестройки не только государства, но и всего общества; они бросили вызов не только узам подданства по отношению к монарху, но и узам, привязывавшим раба к хозяину, – узам, которые оставались для американцев священными. Обе группы, несомненно, были знакомы с замечанием Жана-Жака Руссо о том, что люди рождаются свободными, но повсюду скованы цепями, однако французы понимали эти цепи глубже и предприняли большие усилия для того, чтобы разбить их.

Находясь под таким же влиянием рационалистических доктрин, как и сам Руссо, французские революционеры пытались внедрить разум в человеческую среду точно также как естественный разум, или наука начал прилагаться к среде природной. Руссо работал за своим письменным столом; он пытался установить социальную справедливость на бумаге, вручив человеческие дела органу, который воплощал всеобщую волю. Революционеров волновало установление социальной справедливости не только на бумаге, но и среди мобилизованных и вооруженных ими людей, многие из которых были разъярены и, в большинстве своем, бедны.

Абстрактный орган Руссо принял конкретную форму Комитета общественного спасения – полицейской организации, которая считала себя воплощением всеобщей воли. Виртуозные члены комитета осознанно применяли открытия разума к человеческим делам. Они считали себя хирургами нации. Они врезали свои личные убеждения в общество с помощью стали лезвия государственной бритвы.

Приложение науки к среде приняло форму систематического террора. Инструментом Разума и Справедливости была гильотина.

Террор обезглавил бывших правителей, а затем обратился против революционеров.

Страх стимулировал реакцию, которая смела не только Террор, но и Справедливость.

Мобилизованная энергия кровожадных патриотов была направлена вовне, навязывая просвещение иностранцам силой и расширяя нацию в империю. Снабжение национальных армий было куда более прибыльным делом, чем было когда-либо снабжение феодальных армий, и бывшие революционеры превратились в богатых и могущественных членов среднего класса, который стал теперь высшим классом, правящим классом. И террор, и войны оставили судьбоносное наследство идеи и практике последующих национализмов.

Наследие Американской революции было совсем иного рода. Американцев меньше заботила справедливость. Их больше волновала собственность.

Завоеватели-поселенцы восточного побережья северной части континента нуждались в Георге Ганноверском не больше, чем Лопе де Агирре нуждался в Филиппе Габсбургском. Точнее, богатым и могущественным среди поселенцев был нужен аппарат короля Георга для защиты их богатства, но не для его приобретения. Если бы они могли организовать репрессивный аппарат своими силами, то король Георг был бы им вообще не нужен.

Поверив в свою способность самим создать такой аппарат, колониальные рабовладельцы, земельные спекулянты, экспортеры и банкиры стали находить королевские налоги и указы нетерпимыми. Наиболее нестерпимым из королевских указов был временный запрет неразрешенных вторжений на земли первоначальных обитателей континента. Советники короля с жадностью смотрели на меха, поставляемые индейскими охотниками; революционные земельные спекулянты с жадностью взирали на земли этих охотников.

В отличие от Агирре, объединившиеся в федерацию колонизаторы Севера сумели успешно создать свой независимый репрессивный аппарат, и они сделали это, лишь в самой малой степени побуждаемые жаждой справедливости: их целью было свержение власти короля, а не своей собственной. Не слишком полагаясь на своих менее богатых собратьев-поселенцев или лесных скваттеров, не говоря уже о рабах, эти революционеры полагались на наемников и необходимую помощь монарха-Бурбона, которому предстояло быть свергнутым несколько лет спустя более искусными революционерами.

Североамериканские колонисты разбили традиционные узы верности и феодальной повинности, но, в отличие от французов, они лишь отчасти заменили традиционные узы узами патриотизма и нации. Они еще не были нацией; их неохотная мобилизация колониальной глубинки не сплотила их в нее, и многоязычные, социально разделенные низы сопротивлялись такому слиянию. Новый репрессивный аппарат еще не был опробован и испытан, и он не повелевал безраздельной лояльностью подчиненного ему населения, которое еще не было патриотическим. Нужно было что-то другое. Рабовладельцы, которые свергли короля, опасались, что их рабы точно также свергнут хозяев: восстание на Гаити дело эти опасения отнюдь не гипотетическими. И хотя они уже больше не боялись быть сброшенными в море индейскими обитателями континента, торговцы и спекулянты беспокоились относительно своей способности продвигаться дальше вглубь континента.

Американские завоеватели-поселенцы прибегли к инструменту, который был отнюдь не новым, как гильотина, но столь же смертоносным. Этот инструмент получил позднее название расизма, и он укоренился в националистической практике. Расизм, подобно более поздним изделиям практичных американцев, носил прагматический характер. Его содержание было не столь важным, главное, чтобы он работал.

Мобилизация людей осуществлялась на основе из самых низких и самых искусственных общих характеристик, и люди откликнулись. Люди, которые покинули свои деревни и семьи, нередко позабыли свои языки и потеряли свои культуры, люди, которые едва не утратили свою социальность, подверглись манипулированию: им надлежало считать цвет своей кожи заменой всему, что они утратили. Их побудили гордиться тем, что не было ни их личным достоинством, ни да, как в случае языка, их личным приобретением. Они были объединены в нацию белых мужчин (белые женщины и дети существовали только как скальпированные жертвы, как доказательства звериной сущности охотничьей добычи). Масштабы девальвации демонстрируются ничтожеством и фантастичностью то, что объединяло белых мужчин друг с другом: «белая» кровь, «белое» мышление и членство в «белой расе». Должники, скваттеры и слуги, как белые мужчины, имели нечто общее с банкирами, земельными спекулянтами и плантаторами, – но не имели ничего общего с «краснокожими», «чернокожими»

или «желтокожими». Соединенные, в соответствии с этим принципом, их можно было им мобилизовать, превратив в белую толпу, толпу линчевателей, «охотников на индейцев».

Расизм был первоначально одним из многих методов мобилизации колониальных армий, и, хотя он эксплуатировался в Америке куда масштабнее, чем когда-либо прежде, но не заменил другие методы, а скорее дополнил их. Жертвы наступавших пионеров по-прежнему описывались как неверные, как язычники. Но пионеры, как и прежде голландцы, были в большинстве своем христианами-протестантами, и они рассматривали «язычество» как нечто, подлежащее наказанию, а не исправлению. Жертвы по-прежнему именовались дикарями, людоедами и примитивными существами, но и эти термины перестали быть диагнозом условий, которые надлежало исправить. Они все больше были склонны становиться синонимами «небелого»: условий, исправить которые невозможно. Расизм был идеологией, великолепно подходившей к практике порабощения и истребления.

Действие в стиле толпы линчевателей, бандитская охота на жертв импонировали хулиганам с недоразвитой человечностью и с отсутствием всякого представления о «честной игре». Но они импонировали не всем. Американские бизнесмены, наполовину ловкачи, наполовину «честные» дельцы, всегда имеют понемногу от того и другого. Для многих Святых Георгиев с некоторым представлением о чести и острой жаждой героизма, враг рисовался несколько иначе: для них враг, обитавший в лесах за горами и на берегах Великих озер, представал в образе наций, таких же богатых и могущественных, как их собственная.

Певцы героических деяний имперских испанцев обнаруживали империи в Центральной Мексике и у подножий Анд. Певцы американских героев-националистов обнаружили нации. Они превратили безнадежное сопротивление анархических селян в международный заговор, направляемый полководцами, такими как «генерал Понтиак» и «генерал Текумсе». Они населили леса блестящими национальными лидерами, эффективными генеральными штабами и бесчисленными армиями патриотов. Они проецировали свои собственные репрессивные структуры на незнакомцев; они видели точную копию самих себя, но в обратном цвете – нечто вроде негатива фотографии. Тогда враг оказывался равным по структуре, мощи и целям. Война против такого врага – не только «честная игра»; она попросту необходима, это вопрос жизни и смерти. Другие атрибуты врага – язычество, дикость, людоедство – делали задачу экспроприации, порабощения и истребления еще более настоятельной, а соответствующие деяния – еще более героическими.

Теперь репертуар националистической программы был более или менее полным. Это заявление может озадачить читателя, который до сих пор так и не увидел в действии ни одной «настоящей нации». США оставались набором многоязычных, мультиконфессиональных и мультикультурных «этносов», а французская нация перетекла через свои границы и превратилась в наполеоновскую империю. Читатель может попытаться применить определение «нации» как организованной территории, населенной людьми, которые разделяют общий язык, религию и обычаи или хотя бы что-то одно из трех. Подобное определение, ясное, беглое и статичное, не описывает явление, но служит ему извинением, оправданием. Это явление не было статическим определением; оно было динамичным процессом. Общие язык, религия

и обычаи, равно как и «белая кровь» американских колонистов, служили скорее предлогом, инструментами для мобилизации армий. А кульминацией процесса стало не закрепление общих черт, а истощение и полная утрата языка, религии и обычаев. Обитатели нации говорят на языке капитала, поклоняются у алтаря государства и подчиняют свои обычаи тем, которые дозволяются национальной политикой.

Национализм противостоит империализму только в сфере определений. На практике же национализм был методологией осуществления империи капитала.

Постоянный рост капитала, часто именуемый материальным прогрессом, экономическим развитием или индустриализацией, был главным делом средних классов, так называемой буржуазии. Ведь капитал и был тем, чем они владели, их собственностью; высшие классы владели недвижимостью.

Открытие новых миров богатства чрезвычайно обогатило эти средние классы, но оно же сделало их уязвимыми. Королям и знати, которые первоначально собирали в своих руках награбленное богатство Нового света, не нравилось наблюдать, как почти все их трофеи утекают к их торговцам из среднего класса. Но ничего поделить они не могли. Богатства не поступали в форме, пригодной для употребления; торговцы снабжали короля вещами, которыми тот мог пользоваться, в обмен на разграбление казны. Но и после этого монархи, обнаруживавшие, как они беднеют, пока их торговцы богатеют, не гнушались того, чтобы использовать своих вооруженных слуг для грабежа богатых торговцев. В результате средние классы страдали при старом режиме от постоянных посягательств – посягательств на свою собственность. Королевская армия и полиция не была надежным защитником собственности среднего класса, и могущественные торговцы, которые уже ворочали делами империи, приняли меры для того, чтобы положить конец нестабильности: они взяли в свои руки и политику. Они могли нанимать частные армии, и часто именно так и делали. Но когда на горизонте появились инструменты мобилизации национальных армий и национальной полиции, подвергающиеся посягательствам дельцы ими воспользовались. Главное достоинство национальных вооруженных сил состоит в том, что они гарантируют: патриотический слуга станет воевать вместе со своим господином против слуг вражеского господина.

Стабильность, обеспечиваемая национальным репрессивным аппаратом, предоставила собственникам нечто вроде тепличных условий, при которых их капитал мог расти, увеличиваться, умножаться. Термин «рост» и его производные происходят из словаря самих капиталистов. Эти люди думают о единицах капитала как о зерне или семени, посеянном в плодородную почву. Весной они видят, как из каждого семени вырастает растение. Летом они собирают так много семян каждого растения, сколько, уплатив за почву, солнечный свет и дождь, они могут посадить, чтобы это количество превышало изначальное. На следующий год они расширяют свое поле и постепенно завладевают всей округой. В реальности, первоначальные «семена» – это деньги; солнечный свет и дождь – это затраченная энергия работников; растения – это фабрики, заводы и шахты; снятый урожай – это товары, кусочки переработанного мира; а избыток или дополнительные семена, прибыль – это доход, который капиталисты оставляют себе вместо того, чтобы распределить его между работниками.

Весь процесс в целом состоит в преобразовании природных веществ в могущие быть проданными вещи, или товары, и в заключении наемных работников в тюрьмы производящих фабрик.

Брак между Капиталом и Наукой несет ответственность за великий скачок в нашу сегодняшнюю жизнь. Чистые ученые открывают компоненты, на которые можно разложить естественную окружающую среду; инвесторы вкладывают свои ставки в различные методы ее разложения; прикладные ученые или менеджеры посылают подчиненных им наемных работников на осуществление проекта. Ученые в области социальных наук ищут пути, как бы сделать работников еще менее человеческими, более эффективными и подобными машине. Благодаря науке, капиталисты смогли превратить большую часть естественной среды в перерабатываемый мир, искусственный механизм и превратить большинство человеческих существ в эффективные придатки этого механизма.

Процесс капиталистического производства анализировали и критиковали многие философы и поэты, особенно Карл Маркс¹, чья критика вдохновила и продолжает вдохновлять активные социальные движения. У Маркса имелось важное «слепое пятно»; большинство его учеников и многие активисты, не являющиеся его учениками, строят свои платформы на этом «слепом пятне». Маркс был полным энтузиазма приверженцем борьбы буржуазии за освобождение от феодальных уз. Кто не был энтузиастом в те дни? Он, подметивший, что господствующие идеи эпохи – это идеи господствующего класса, разделял многие из идей недавно пришедшего к власти среднего класса. Он был энтузиастом Просвещения, рационализма, материального прогресса. Маркс прозорливо подчеркивал, что все время, которое работник затрачивает на воспроизводство своей рабочей силы, с каждой минуты, которую он отдает предписанной ему задаче, он расширяет материальный и социальный аппарат, которые его дегуманизируют. Но тот же самый Маркс был энтузиастом внедрения науки в производство.

Маркс проделал сквозной анализ процесса производства и эксплуатации труда, но сделал лишь беглые и неохотные комментарии насчет предпосылки капиталистического производства и первоначального капитала, которая сделала этот процесс возможным². Без первоначального капитала не могло быть ни инвестиций, ни производства, ни огромного скачка вперед. Эта предпосылка была проанализирована раннесоветским русским марксистом Преображенским, который позаимствовал некоторые догадки у польской марксистки Розы Люксембург для формулирования своей теории первоначального накопления³. Под «первоначальным» Преображенский имел в виду фундамент капиталистического строения, основу, предпосылку. Эта предпосылка не может явиться из самого процесса капиталистического производства, так как этот процесс еще не развернулся. Она должна прийти и приходит извне процесса производства. Она пришла из грабежа колоний, из экспроприации и истребления их населения. В ранний период, когда заморских колоний не было,

¹ Первый том «Капитала» Маркса носит подзаголовок «Критика политической экономии».

² См. главу 24 первого тома «Капитала» – «Так называемое первоначальное накопление».

³ См.: Е.А. Преображенский. Новая экономика (теория и практика): 1922 – 1928. Т.1, 2. М., 2008. В этой книге автор провозглашает судьбоносный «закон первоначального социалистического накопления».

первый капитал, предпосылка капиталистического производства, выкачивался из внутренних колоний – из ограбления крестьян, чьи земли огораживались, а урожаи конфисковывались, из высылки евреев и мусульман, чье имущество экспроприировалось.

Первоначальное накопление капитала не есть нечто, что произошло однажды, в отдаленном прошлом, и больше никогда не повторялось. Это то, что продолжает сопровождать капиталистический процесс производства, составляя его неотъемлемую часть. Описанный Марксом процесс ответственен за то, что регулярные прибыли периодически разрушаются кризисами, внутренне присущими самой системе. Излечить от кризиса всякий раз могут лишь новые инъекции стартового капитала. Без продолжающегося процесса первоначального накопления процесс производства остановился бы; каждый кризис имел бы тенденцию стать постоянным.

Геноцид, рационально просчитанное истребление человеческого населения, рассматриваемого в качестве законной добычи, не был отклонением в преимущественно мирной поступи прогресса. Геноцид явился предпосылкой этого прогресса. Вот почему национальные армии были обязательно необходимы для владельцев капитала. Эти силы не только защищали собственников капитала от бунтарского гнева их собственных эксплуатируемых наемных работников. Эти силы также добывали святой Грааль, волшебный фонарь, первоначальный капитал, круша ворота сопротивляющихся или не сопротивляющихся аутсайдеров, грабя, депортируя и убивая.

Следы, выжженные национальными армиями, – это следы поступи прогресса. Эти патриотические армии были и остаются седьмым чудом света. В них волк лежит рядом с овцой, а паук – с мухой. В них эксплуатируемые работники становились приятелями эксплуататоров, утонувшие в долгах крестьяне – приятелями своих кредиторов, неудачники – ловкачей, и все это в ходе кампаний, чьим стимулом выступала не любовь, а ненависть: ненависть к потенциальным источникам первоначального капитала, которых объявляли неверными, дикарями, низшими расами.

Человеческие сообщества, столь же различные по своим путям и верованиям, как птицы по своему оперенью, подвергались вторжениям, ограблению и уничтожению в масштабах, не поддающихся воображению. Обрывки и артефакты исчезнувших обществ собирались как трофеи и помещались в музеи, как еще одни следы поступи прогресса. Вымершие верования и пути становились курьезами для той или иной из наук завоевателей.

Экспроприированные поля, леса и животные накапливались как источник доходов, как первоначальный капитал – предварительное условие для процесса производства, которому предстояло превратить поля в фермы, деревья – в древесину, животных – в головные уборы, минералы – в военное снаряжение, а выживших людей – в дешевую рабочую силу. Геноцид был и остается предварительным условием, краеугольным камнем и фундаментом военно-промышленных комплексов, перерабатываемой окружающей среды, миров офисов и автомобильных парковок.

Национализм был настолько пригоден для выполнения своей двойной задачи – приручения работников и ограбления чужих – что он привлекал всех – точнее, тех, кто владел или надеялся завладеть долей капитала.

На протяжении 19 столетия, особенно во второй его половине, каждый из собственников инвестируемого капитала обнаружил, что у него имеются корни среди подлежащих мобилизации соотечественников, которые изъясняются на языке его матери и поклоняются богу его отца. Рьяность такого националиста была до прозрачности цинична, ибо он был как раз таким соотечественником, который уже не имел никаких корней среди родни по отцу или матери: он искал спасения в своих сбережениях, молился на свои капиталовложения и разговаривал на языке финансового баланса. Но он научился у американцев и французов, что если он не может мобилизовать соотечественников в качестве своих лояльных слуг, клиентов и потребителей, то может мобилизовать их как лояльных братьев по вере: католиков, православных или протестантов. Языки, религии и обычаи стали сварочным материалом для построения государств-наций.

Сварочные материалы были средствами, а не целью. Задачей национальных образований было не развитие языков, религий или обычаев, а развитие национальных экономик, превращение соотечественников в работников и солдат, родины – в шахты и фабрики, а династических земельных владений – в капиталистические предприятия. Без капитала не было бы ни амуниции, ни снабжения, ни национальных армий, ни наций.

Сбережения и инвестиции, изучение рынка и расчет издержек, навязчивые идеи рационалистических бывших средних классов стали господствующими маниями. Эти рационалистические навязчивые идеи стали не только суверенными, но и исключительными. Индивиды, которые придерживались своих маний, иррациональных, отправлялись в сумасшедший дом.

Нациям обыкновенно не требовалось больше быть монотеистическими. Бывший бог богов утратил свое значение, оставшись лишь одним из сварочных материалов. Нации были моно-маниакальными, и если монотеизм служил господствующей мании, он тоже принимался на службу.

Первая мировая война обозначила конец той фазы процесса национализации, которая началась с Американской и Французской революций, – фазы, которую много раньше возвестили декларация Агирре и бунт голландских вельмож. Вступающие в конфликт друг с другом притязания старых и новообразованных наций в действительности и были причинами этой войны. Германия, Италия и Япония, так же как и Греция, Сербия и колониальная Латинская Америка уже приобрели большинство из атрибутов своих националистических предшественников, превратились в национальные империи, монархии и республики, и наиболее мощные из новичков надеялись приобрести и самый главный из еще недостававших атрибутов – колониальную империю. В ходе этой войны все мобилизуемые компоненты обеих оставшихся династических империй – Османской и Габсбургской – сами перестроились в нации. Когда буржуазии с отличавшимися языками и религиями претендовали на одну и ту же территорию, с более слабым поступали так, как поступали с т.н. американскими индейцами – их уничтожали. Национальный суверенитет и геноцид были – и остаются – взаимно дополняемыми.

Общий язык и религия кажутся дополнением национальности, но это лишь оптическая иллюзия. Как сварочные материалы, языки и религии использовались, когда служили поставленной задаче, если же нет – они отбрасывались. Ни многоязычная

Швейцария, ни мультирелигиозная Югославия никогда не исключались из семьи наций. Форма носа и цвет волос также использовались для мобилизации патриотов – тогда и позднее. Общее наследие, корни и прочие общности должны были все удовлетворять одному-единственному критерию – критерию прагматического разума в американском стиле: работают ли они? Все, что работало, использовалось. Общие черты были важны не из-за их культурного, исторического или философского содержания, но потому что они были полезны делу организации полиции для защиты национальной собственности и делу мобилизации армии для грабежа колоний.

Как только та или иная нация создавалась, люди, которые жили на национальной территории, но не обладали общими национальными чертами, могли быть превращены во внутренние колонии, то есть, в источник первоначального, стартового капитала. Без стартового капитала ни одна нация не могла бы стать великой, а нации, которые претендовали на величие, но были лишены соответствующих заморских колоний, могли обратиться к ограблению, истреблению и экспроприации тех своих соотечественников, которые не обладали общими национальными чертами.

Создание государств-наций приветствовали с полным эйфории энтузиазмом как поэты, так и крестьяне, которые сочли, что их музы или их боги вторично и окончательно сочли на землю. Меньше всего восторга посреди реющих знамен и разлетающихся конфетти ощущали бывшие правители, колонизуемые и ученики Карла Маркса.

Свергнутые и колонизуемые не испытывали энтузиазма по вполне понятным причинам. Ученики Маркса не питали энтузиазма, потому что помнили слова своего учителя о том, что национальное освобождение означает национальную эксплуатацию, что национальное правительство – это исполнительный комитет национального капиталистического класса, и что нация не несет трудящимся ничего, кроме цепей. Эти стратеги ради трудящихся, которые сами были не трудящимися, а такими же буржуа, что и правящие капиталисты, провозглашали, что трудящиеся не имеют отечества, и объединились в Интернационал. Этот Интернационал раскололся на три, и каждый из Интернационалов все больше утверждался в поле марксова «слепого пятна».

Первый Интернационал «увел» бывший русский переводчик Маркса, а затем его антагонист Бакунин – неисправимый бунтарь, бывший ревностным националистом, пока не узнал об эксплуатации от Маркса. Бакунин и его товарищи, бунтари против всех авторитетов, восстали и против авторитета Маркса. Они подозревали Маркса в попытке превратить Интернационал в государство, такое же репрессивное, как феодальное и национальное вместе. Бакунин и его последователи не раздирались противоречиями в своем отрицании всех государств, но у них имелись противоречия в отношении капиталистического предприятия. В еще большей степени, чем Маркс, они прославляли науку, материальный прогресс и индустриализацию. Как бунтари, они готовы были ввязаться в любой бой, но наилучшим считали бой против бывших врагов буржуазии – феодальных помещиков и католической церкви. Поэтому бакунистский Интернационал расцвел в таких местах, как Испания, где буржуазия еще

не закончила свою войну за независимость, но вместо этого сама вступила в союз с феодальными баронами и церковью для защиты от восставших рабочих и крестьян. Бакунисты сражались ради завершения буржуазной революции без буржуазии и против нее. Они называли себя анархистами и презирали все государства, но не стали объяснять, как собираются обзавестись первоначальной или дополнительной индустрией, прогрессом и наукой, то есть, капиталом, без армии и полиции. Они никогда так и не получили реального шанса на разрешение своего противоречия на практике, и бакунисты до сегодняшнего дня так и не разрешили его и даже не поняли, что между анархией и индустрией существует противоречие⁴.

Второй Интернационал, менее бунтарский, чем Первый, быстро нашел общий язык и с капиталом, и с государством. Основательно застряв в марковом «слепом пятне», профессора из этих организаций не путались в бакунистских противоречиях. Для них было очевидным, что эксплуатация и грабеж – это необходимые условия для материального прогресса, и они реалистически примирились с тем, что тут уж ничего не поделаешь. Они добивались больших выгод для трудящихся и постов в политическом истеблишменте для себя самих, как представителей этих трудящихся. Как и добрые профсоюзники, которые предшествовали и сопутствовали им, социалистические профессора испытывали смущение в связи с «колониальным вопросом», но это смущение, как и у Филиппа Габсбургского, скорее оставалось в области нечистой совести. Со временем имперские германские социалисты, королевские голландские социалисты и республиканские французские социалисты вообще перестали быть интернационалистами.

Третий Интернационал не только нашел общий язык с капиталом и государством; он сделал их своей целью. Этот Интернационал не был основан бунтовавшими или диссидентствующими интеллектуалами – он был создан государством, Российским государством после того, как большевистская партия уселась в его государственных канцеляриях. Основная деятельность этого Интернационала сводилась к рекламе деяний перестроенного Российского государства, его правящей партии и основателя этой партии – человека, который именовал себя Лениным. Деяния этой партии и ее основателя были, действительно, весомыми, но рекламодатели все, что было в их силах, чтобы скрыть самые весомые из них.

Первая мировая война оставила две наиболее обширные из империй в затруднительном положении. Поднебесная империя Китая, старейшее из непрерывно существующих государств на планете, и империя царей, наиболее молодая из операций такого рода, разрывались между перспективами превращения в нации-государства и перспективами распада на более мелкие единицы, как это произошло с Османами и Габсбургами.

Ленин разрешил это затруднение для России. Возможно ли такое? Маркс замечал, что один человек в одиночку не может изменить обстоятельства, он может лишь

⁴ Примечание переводчика: Здесь автор не совсем прав и демонстрирует недостаточное знание идей и практики анархизма и анархо-синдикализма, в котором, помимо индустриалистского течения, существовало и направление, которое стремилось разрушить систему капиталистического производства, гигантомании и гипертрофирования индустрии (в том числе и в Испании).

воспользоваться ими. Возможно, Маркс был прав. Деяния Ленина состоят не в том, что он изменил обстоятельства, но в том, что он воспользовался ими необычным образом. Его деяния были монументальными в своем оппортунизме.

Ленин был русским буржуа, который проклял слабость и бездарность русской буржуазии⁵. Энтузиаст капиталистического развития, пламенный почитатель прогресса в американском стиле, он не пожелал иметь дело с теми, кого он проклял, но предпочел связаться с их врагами – антикапиталистическими учениками Маркса. Он воспользовался «слепым пятном» Маркса для того, чтобы превратить марксову критику процесса капиталистического производства в учебник для развивающегося капитала, в путеводитель-«инструкцию». Марксовы штудии эксплуатации и обнищания стали пищей для жаждущего, настоящим рогом изобилия. Американские бизнесмены уже продавали мочу под видом минеральной воды, но ни одному из них еще не удавалось совершить обратное.

Обстоятельства не менялись. Каждый шаг в этой инверсии совершался с использованием обстоятельств, опробованными и испытанными методами. Российское крестьянство нельзя было мобилизовать ссылками на его русскость, православие или белую кожу, однако его можно было мобилизовать и его мобилизовали, ссылаясь на его эксплуатируемое, угнетенное состояние, на многолетние страдания под царским деспотизмом. Угнетение и эксплуатация стали сварочным материалом. Долгие страдания под игом царей использовались точно так же и с той же целью, как это делали американцы со скальпированием белых женщин и детей. Их использовали для того, чтобы организовать людей в боевые соединения, зародыш национальной армии и национальной полиции.

Представление диктатора и ЦК партии в качестве диктатуры освобожденного пролетариата казалось чем-то совершенно новым. Но новым оно было только по использованным при этом словам. Это было так же старо, как фараоны и лугали древних Египта и Месопотамии, которые были избраны богами для того, чтобы вести народ, и воплощали народ в своих беседах с богами. Это был опробованный и испытанный трюк правителей. Даже если древние прецеденты были со временем забыты, наиболее недавний прецедентом служил французский Комитет общественного спасения, который представлял себя как воплощение всеобщей воли нации.

Цель – коммунизм, свержение и ликвидация капитализма – также казалась чем-то новым, изменением обстоятельств. Но новым было только слово, цель диктатора над пролетариатом оставались прогресс в американском стиле, капиталистическое развитие, электрификация, быстрое перемещение масс людей, наука, обработка естественной среды обитания. Целью был капитализм, развить который оказалась неспособна слабая и бездарная русская буржуазия. С «Капиталом» Маркса как факелом и путеводителем, диктатор и его партия хотели развить капитализм в России: они хотели выступить как замена буржуазии и использовать мощь государства не

⁵ См. написанное Лениным в «Развитии капитализма в России»: «Если же сравнивать данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России действительно придется признать медленным. И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей...» (В.И. Ленин. Полн.собр.соч. М., 1971. Т.3. С.601)

только для полицейского надзора за этим процессом, но и для того, чтобы направлять его и управлять им.

Ленин прожил слишком недолго для того, чтобы продемонстрировать свою виртуозность в роли генерального менеджера русского капитализма, но его преемник Сталин щедро продемонстрировал всю мощь машины, созданной основателем. Первым шагом было первоначальное накопление капитала. Пусть Маркс еще в неполной мере разобрался в этой материи, зато хорошо разобрался Преображенский. Потом он был арестован, но его описание испытанных и опробованных методов добывания первоначального капитала было применено на российских просторах. Первоначальный капитал английских, американских, бельгийских и прочих капиталистов брался из ограбления заморских колоний. У России заморских колоний не было. Но этот недостаток не был препятствием. В колонию была превращена вся российская деревня.

Первым источником для получения первоначального капитала были «кулаки» – крестьяне, у которых и впрямь было что забрать. Но операция оказалась настолько успешной, что ее применили и ко всему остальному крестьянству, рационально ожидая, что небольшие средства, полученные в результате ограбления очень большого числа людей, окажутся в совокупности значительными.

Крестьяне были не единственными колонизируемыми. У бывшего правящего класса уже были экспроприированы все его богатства и собственность, но здесь были найдены новые источники первоначального капитала. Сконцентрировав в своих руках всю тотальность государственной власти, диктаторы быстро обнаружили, что могут создавать источники первоначального накопления. Удачливых предпринимателей, недовольных рабочих и крестьян, членов организаций-конкурентов и даже разочаровавшихся членов самой партии можно было объявить контрреволюционерами, согнать как скот и доставить в трудовые лагеря. Все депортации, массовые расправы и экспроприации старых колонизаторов были снова повторены в России.

Старые колонизаторы, будучи первопроходцами, действовали методом проб и ошибок. Российским диктаторам такие пробы и ошибки были не нужны. К их времени все методы добывания первоначального капитала были уже опробованы и испытаны; их оставалось лично научно применить. Российский капитал развивался в тотально контролируемой среде, в тепличных условиях; все рычаги и переменные находились под контролем национальной полиции. Те функции, которые в менее контролируемой среде отводились случаю или другим структурам, в российской теплице были переданы полиции. Тот факт, что объекты колонизации находились не вовне, а внутри, а, следовательно, субъект следовало не завоевывать, а арестовать, еще больше повышало роль и масштабы полиции. Со временем всемогущая и вездесущая полиция стала зримой эманацией и воплощением пролетариата, а коммунизм превратился в синоним тотальной полицейской организации и контроля.

И, тем не менее, ожидания Ленина не были осуществлены российской теплицей в полной мере. Полиция-в-качестве-капиталистов совершала чудеса в выбивании первоначального капитала из контрреволюционеров, но далеко отставала в управлении

процессом капиталистического производства. Возможно, окончательно говорить об этом еще рано, но к настоящему моменту эта полицейская бюрократия оказалась столь же бездарной, как и проклинаящаяся Лениным буржуазия. Ее способность к обнаружению все новых источников первоначального капитала, как кажется, – единственное, что все еще поддерживает ее на плаву.

Да и привлекательность этого аппарата оказалась не на уровне ленинских ожиданий. Ленинистский полицейский аппарат привлекал не бизнесменов или политиков истэблишмента; он не рекомендовал себя в роли более совершенного метода управления процессом производства. Он взывал к совсем иному социальному классу, который я попытаюсь вкратце описать. И обращался он к этому классу в первую очередь как метод установления национальной власти, а во вторую очередь – как метод первоначального накопления капитала.

Наследниками Ленина и Сталина стали не настоящие преторианские гвардейцы, реальные обладатели экономической и политической власти от имени и для ставшего излишним монарха. Это были дублеры преторианцев, ученики экономической и политической власти, которые отчаялись добиться даже среднего уровня власти. Ленинистская модель открыла этим людям перспективы перескочить средний уровень и сразу попасть в центральный дворец.

Учениками Ленина стали клерки и низшие чиновники, такие люди как Муссолини, Мао Цзэдун и Гитлер, – люди, которые, подобно самому Ленину, проклинали свою слабую и бездарную буржуазию за неспособность добиться величия их наций.

(Я не включаю в число учеников Ленина сионистов, потому что они принадлежат к более старшему поколению. Они были современниками Ленина, которые, возможно даже независимо от него, открыли мощь преследований и страданий в качестве сварочного материала для мобилизации национальной армии и полиции. Сионисты внесли и иной, свой собственный вклад. Их трактовка рассеянного религиозного населения как нации, навязывание ими капиталистической нации-государства как самой важной для населения вещи и сведение религиозного наследия к расовому внесли существенный вклад в националистическую методологию, и эти элементы имели фатальные последствия, когда они обрушены на еврейское население, а отнюдь не только на сионистов, населением, спаянным вместе в виде «германской расы»).

Муссолини, Мао Цзэдун и Гитлер пробивались через завесу лозунгов и увидели в деяниях Ленина и Сталина то, чем они на самом деле и были: успешные методы захвата и удержания государственной власти. Все трое применили эту методологию к своему содержанию. Первым шагом было объединиться с единомышленниками из числа учеников власти и сформировать ядро политической организации – агрегат, именуемый, вслед за Лениным, партией. Следующим шагом стало обретение массовой базы, наличных подразделений и их поставщиков. Третьим – захват аппарата государства: усадить своих теоретиков в кресла дуче, председателя или фюрера, распределить полицейские и управленческие функции среди элиты или кадров и отправить массовую базу работать. Четвертым шагом было обеспечение первоначального капитала, необходимого для восстановления или создания военно-индустриального комплекса, способного поддерживать национального лидера и кадры, полицию и армию и

промышленных менеджеров. Без этого капитала не могло быть оружия, без оружия не могло быть власти, не могло быть нации.

Далее, ученики Ленина и Сталина приспособили методологию к собственным нуждам в деле рекрутирования сторонников: они свели к минимуму ссылки на капиталистическую эксплуатацию и сосредоточились на национальном угнетении. Разговоры об эксплуатации больше не служили выполнению их задачи и даже начинали стеснять, поскольку всякому, и особенно наёмным работникам, было очевидно, что добившиеся успеха революционеры отнюдь не ликвидируют наемный труд, но, наоборот, расширяют его сферу.

Столь же прагматичные, как американские бизнесмены, новые революционеры вели речь уже не об освобождении от наёмного труда, а о национальном освобождении⁶. Такого рода освобождение было не мечтой романтиков-утопистов, а как раз тем, что было вполне возможно, причем возможно в уже существующем мире – достаточно было всего лишь использовать уже имеющиеся обстоятельства, чтобы осуществить его.

Национальное освобождение состояло в освобождении национального вождя и национальной полиции от оков бессилия: утверждение вождя у власти и учреждение полиции были не высосанными из пальца мечтами, но частью испытанной и проверенной стратегии, наукой.

Фашистская и Национал-социалистическая партия первыми доказали, что эта стратегия работает, что деяния большевистской партии и в самом деле можно повторить. Национальные вожди и их штабы утвердились во власти и начали добывать первоначальный капитал, необходимый для национального величия. Фашисты залезли в один из последних не подвергшихся завоеванию уголков Африки и принялись высасывать его как ранние индустриализаторы высасывали свои колониальные империи. Национал-социалисты избрали первым источником для своего первоначального накопления евреев – часть внутреннего населения, которая принадлежала к «объединенной Германии» так же долго, как и остальные немцы. Это было сделано потому, что многие из евреев, как и сталинские кулаки, имели то, что можно было разграбить.

Сионисты еще до национал-социалистов стали трактовать религию как расу, а как использовать инструмент расизма, национал-социалисты могли видеть из опыта американских пионеров.

Гитлеровской элите было достаточно просто перевести свод американских расистских «исследований» и оснастить свои научные институты обширными библиотеками. Национал-социалисты обошлись с евреями во многом так же, как американцы ранее обошлись с туземным населением Северной Америки, с той разницей, что национал-социалисты применили более развитую и мощную технологию для того, чтобы депортировать, экспроприировать и уничтожать людей. Но в этом они, как бо-

⁶ Или освобождение государства: «Наш миф – это нация, наш миф – это величие нации». «... Государство создает нацию, давая волю, а следовательно эффективное существование народу, сознающему собственное моральное единство». «Максимум свободы всегда обуславливается максимумом силы государства». «Все для государства, ничего кроме государства, ничего против государства» – цитаты из Муссолини и Джентиле «Что такое фашизм» и «Доктрина фашизма».

лее поздние массовые убийцы, не были новаторами: скорее, они приспосабливались к тем обстоятельствам, какие они застали.

К фашистам и национал-социалистам примкнули японские строители империи, которые опасались, что разваливавшаяся Поднебесная империя станет источником для первоначального накопления российских или революционных китайских индустриализаторов. Сформировав Ось, тройка принялась превращать в источники первоначального накопления целые континенты. Другие нации не беспокоили их, пока те не стали подбираться к колониям и метрополиям утвердившихся капиталистических держав. Превращение уже имевшихся капиталистов в колониальную добычу могло осуществляться внутри страны, где оно всегда было законным, начиная с момента, когда правители наций стали писать свои законы, и его уже практиковали внутри страны ленинисты и сталинисты. Но подобная практика вела бы к изменению обстоятельств, и ее нельзя было осуществить вовне, не вызвав мировой войны.

Державы Оси надорвались и проиграли.

После войны многие благоразумные люди говорили, что страны Оси преследовали иррациональные цели, а Гитлер был сумасшедшим. Но те же благоразумные люди назовут здоровыми и рациональными таких людей, как Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон, хотя эти люди планировали и начали завоевание огромного континента, депортацию и истребление его населения, причем в эпоху, когда подобный проект был еще менее осуществим, чем проект стран Оси⁷. Правда, технологии, равно как и физическая, химическая, биологическая и социальная наука, которые применялись Вашингтоном и Джефферсоном, сильно отличались от тех, которые использовались национал-социалистами. Но если знание – это власть, если для ранних пионеров было рациональным калечить и убивать с помощью пороха в эпоху конных дилижансов, почему же для национал-социалистов должно было быть иррациональным калечить и убивать с помощью мощной взрывчатки и химических веществ в эпоху ракет, подводных лодок и «скоростных автострад»?

Нацисты были даже еще более ориентированы на науку, чем американцы. В свое время они были синонимом научной эффективности для большей части мира. Они собирали материалы обо всем, сводили свои изобретения в таблицы и классифицировали их, публиковали свои сводки в научных журналах. У них даже расизм был достоянием не демагогов с фронта, а прекрасно оснащенных институтов.

Многие благоразумные люди, как кажется, смешивают безумие с неудачей. Но и это не ново. Многие называли Наполеона безумцем, когда он находился в заключении или в изгнании, но когда он вновь явился как император, те же самые люди заговорили о нем с уважением и даже благоговением. Заключение в тюрьму и изгна-

⁷ «... Постепенное расширение наших поселений, несомненно, побудит отступать как дикарей, так и волков; и те, и другие – хищники, они отличаются только добычей» (Джордж Вашингтон, 1783 г.). «... Если мы бываем принуждены поднять топор против какого-нибудь племени, мы никогда не складываем его, пока это племя не будет истреблено или изгнано...» (Т. Джефферсон, 1807 г.). «... Жестокие убийства, совершенные ими в отношении застигнутых врасплох женщин и детей на наших границах, заставят нас теперь преследовать их вплоть до уничтожения или вытеснить их на новые места, вне пределов нашей досягаемости» (Т. Джефферсон, 1813 г.). Цит. по: Richard Drinnon. Facing West: The Metaphysics of Indian-Hating and Empire Building. New York: New American Library, 1980. P.65, 96, 98.

ние считаются не только лекарствами от безумия, но и его показателями. Провал означает глупость.

Мао Цзэдун, третий национал-социалистический пионер (или национал-коммунистический); второе слово не значит ровным счетом ничего, потому что является всего лишь историческим реликтом; годится и выражение «левый фашист», но оно имеет еще меньшее значение, чем выражения со словом «национал») сумел сделать для Поднебесной империи то же, что Ленин сделал для империи царей. Старейший бюрократический аппарат мира не распался на более мелкие единицы или колонии других индустриализаторов. Он воспрянул, блестяще измененный, как Народная республика, маяк для «угнетенных наций».

Председатель и его кадры пошли по стопам долгой вереницы предшественников и превратили Поднебесную империю в огромный источник первоначального капитала, совершив это с применением чисток, преследований и последующего «великого скачка вперед».

Следующая стадия – запуска капиталистического производственного процесса – была совершена по российскому образцу, то есть силами национальной полиции. В Китае это сработало не лучше, чем в России. Очевидно, предпринимательские функции следовало возлагать на вызывающих доверие людей или дельцов, которые способны обмануть людей, полицейские же внушают мало доверия. Но для маоистов это было столь же неважно, как и для ленинистов. Важным оставался процесс капиталистического производства, по меньшей мере, столь же важным, как упорядоченные усилия по первоначальному накоплению, поскольку без капитала нет ни власти, ни нации. Но маоисты не слишком (или еще меньше) претендовали на то, что их модель является более совершенным методом индустриализации, и в этом они оказывались скромнее, чем русские. Соответственно, они были и меньше разочарованы в результатах своей промышленной политики.

Маоистская модель предлагалась охранникам-гвардейцам и ученикам мира как испытанная и опробованная методология власти, как научная стратегия национального освобождения. Известная повсюду как «идеи Мао Цзэдуна»⁸, эта наука открывала перед стремящимися стать председателями и кадрами перспективу беспрецедентной власти над живыми существами, деятельностью людей и даже их мыслями. Папа и священники католической церкви, со всеми их инквизициями и исповедями никогда не обладали такой властью – не потому что они ее не хотели, но потому что у них не было инструментов, которые стали доступны благодаря современной науке и технологии.

Освобождение нации есть последняя стадия в устранении паразитов. Капитализм уже раньше очищал природу от паразитов и свел большую часть оставшейся природы к роли сырья для обрабатывающей промышленности. Современный национал-социализм или социал-национализм задался целью устранить «паразитов» и из человеческого общества. Люди-«паразиты» – обычный источник первоначального капитала; но капитал не всегда «материален»; он может быть также культурным

⁸ «Идеи Мао» изложены в его знаменитом «Цитатнике» («Красной книге»).

или «духовным». Народные обычаи, мифы, поэзия и музыка, разумеется, ликвидированы; кое-что из музыки и костюмов бывшей «народной культуры» затем вновь появляются, в переработанном и упакованном виде, как элементы национального спектакля, декорации для национальных усилий по накоплению; обычаи и мифы становятся сырьем для обработки одной или нескольких «гуманитарных наук». Ликвидируется даже не поддающееся использованию чувство работника по отношению к его отчужденному наемному труду. Когда нация освобождена, наемный труд перестает быть обременительной ношей и становится национальной обязанностью, которую должно исполнять с радостью. Члены полностью освобожденной нации читают оруэлловский «1984» как работу по антропологии, описание прошлого века.

Сатирически отзываться об этом положении дел больше невозможно. Любая сатира рискует превратиться в библию для очередного нового национально-освободительного фронта⁹. Любой сатирик рискует стать основателем новой религии, Буддой, Заратустрой, Иисусом, Мухаммедом или Марксом. Любая демонстрация разрушительности господствующей системы, любая критика ее функционирования становится фуражом для лошадей освободителей, цементирующим материалом для строителей армий. Идеи Мао Цзэдуна в их многочисленных версиях и ревизиях – это тотальная наука и тотальная идеология; это – социальная физика и космическая метафизика. Французский Комитет общественного спасения претендовал на воплощение общей воли одной лишь французской нации. Ревизии идей Мао Цзэдуна претендуют на воплощение общей воли всех угнетенных мира.

Постоянные ревизии этих Идей необходимы, потому что их первоначальные формулировки были применимы не для всех, а точнее только для населений одной из колонизуемых стран мира. Ни одна из колоний в мире не обладала китайским наследием сохранения государственного аппарата на протяжении прошедших 2000 лет. Мало кто из угнетенных в мире обладал какой-нибудь из характеристик нации в столь давнем или отдаленном прошлом. Идеи Мао должны были быть адаптированы к народам, чьи предки жили без национальных вождей, армий или полиций, без капиталистических процессов производства и, следовательно, без надобности в первоначальном капитале.

Эти ревизии совершались, обогатив первоначальные Идеи заимствованием из Муссолини, Гитлера и сионистского государства Израиль. Центральным принципом была теория Муссолини о том, что нация находит свое завершение в государстве. Любые группы людей, маленькие или большие, индустриальные или неиндустриальные, сконцентрированные или рассеянные, рассматривались как нации, не в смысле их прошлого, а в смысле их ауры, их потенциала – потенциала, воплощенного в их фронтах национального освобождения. Другим центральным принципом было

⁹ Издательство Black & Red попыталось высмеять эту ситуацию, выпустив мнимое «Наставление для революционного вождя», нечто вроде «руководства к действию», автор которого Майкл Велли предлагал современному революционному государю делать то, что Макиавелли предлагал феодальному государю. Это издевательское «Наставление» соединило «идеи Мао Цзэдуна» с идеями Ленина, Сталина, Муссолини, Гитлера и их современных последователей и предлагало драконовские рецепты подготовки революционной организации и захвата тотальной власти. К замешательству издателей, не менее половины заказов на «Наставление» поступило от кандидатов в национал-освободители, и возможно, что некоторые из нынешних версий националистической метафизики содержат рецепты, предложенные Майклом Велли.

гитлеровское (и сионистское) отношение к нации как к расовой общности. Кадры рекрутировались из людей, уже лишившихся родства и обычаев предков, и, как следствие, освободители не отличались от угнетателей по языку, верованиям, обычаям или вооружению. Единственным цементирующим материалом, который связывал их друг с другом и с их массовой базой, был тот же, который соединял белых слуг с белыми хозяевами на американском Фронтире: «узы расы» давали идентичность тем, кто остался без идентичности, родство тем, у кого не было родни, общину тем, кто потерял свою общину. Это была последняя связующая нить для лишившихся культуры¹⁰.

Теперь подвергшиеся ревизии идеи могут быть применены к африканцам и навахо, апачам и палестинцам¹¹. О заимствованиях у Муссолини, Гитлера и сионистов благоразумно умалчивают, поскольку Муссолини и Гитлеру не удалось в итоге удержаться у власти, а добившиеся успеха сионисты превратили свое государство в мирового полицейского против всех остальных национально-освободительных фронтов. Ленин, Сталин и Мао Цзэдун должны пользоваться еще большим доверием, чем они заслужили.

Подвергшиеся ревизии и универсально применимые модели работают так же, как оригиналы, но более плавно; национальное освобождение превратилось в прикладную науку; аппарат многократно опробован; многочисленные перегибы в оригиналах теперь сглажены. Все что нужно для того, чтобы запустить хитроумное изобретение, – это водитель, ремень передачи и топливо.

Водитель – это, разумеется, сам теоретик или его ближайший ученик. Ремень передачи – это генеральный штаб, организация, именуемая также Партией или компартией. Эта компартия с маленькой буквы – именно то, чем ее обычно и считают. Это ядро полицейской организации, которая проводит чистки и сама подвергнется

¹⁰ Примечание переводчика: Разумеется, речь идет не об абстрактном «оплакивании» исчезнувших племенных и прочих докапиталистических структур и кровнородственных связей. Как справедливо замечал Эрих Фромм («Бегство от свободы»), эти отношения, культуры и связи с их групповой идентичностью и подчинением навязанному от рождения традиционному образу жизни отнюдь не являлись сферой человеческой свободы. Действительно, они были уничтожены во многом насильственно, но задача состоит не в том, чтобы искусственно законсервировать или реконструировать их. Более того, как показывает Перлман, их сохранившиеся элементы активно используются для «легитимации» современного национализма.

¹¹ Я не преувеличиваю. Передо мной лежим брошюра размером с книгу, озаглавленная «Мифология белого пролетариата» (J. Sakai. The Mythology of the White Proletariat: A Short Course for Understanding Babylon. Chicago: Morningstar Press, 1983). Будучи приложением «идей Мао Цзэдуна» к американской истории, это одна из самых впечатляющих маоистских работ, которые я когда-либо видел. Автор описывает, иногда весьма живо, угнетение поработанных африканцев в Америке, депортации и истребление индейцев Американского континента, расистскую эксплуатацию китайцев, заключение в концлагеря американских японцев. Автор привлекает весь этот опыт полного террора не для того, чтобы искать путей замены увековечившей его системы, но чтобы призвать жертвы воспроизвести ту же самую систему самим. Сдобренный картинками и цитатами из председателей Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна и Хо Шимина, сей труд даже не пытается хоть как-то скрыть или замаскировать свои репрессивные цели: он призывает африканцев и навахо, апачей и палестинцев организовать партию, захватить государственную власть и ликвидировать паразитов.

чистке, когда лидер станет Национальным Лидером, и ему понадобится ревизия неизменных Идей для того, чтобы приспособиться к семье наций или, по меньшей мере, к семье банкиров, поставщиков снаряжения и инвесторов. А топливо – угнетенная нация, страдающие массы, освобожденный народ являются и останутся топливом.

Вождь и его генштаб не падают с неба; это не агитаторы извне. Они целиком продукты капиталистического процесса производства. Этот процесс производства неизменно сопровождается расизмом. Расизм не является необходимым компонентом производства. Но он (в той или иной форме) – необходимый компонент первоначального накопления капитала, а потому почти всегда перетекает и в процесс производства.

Индустриализированные нации добывали свой первоначальный капитал, экспроприруя, депортируя, преследуя и подвергая сегрегации людей, рассматриваемых ими как законную добычу – если не уничтожая их совсем. Узы родства порывались, окружающая среда разрушалась, культурные ориентиры и обычаи искоренялись. Потомки выживших в таких бойнях могли быть счастливы, если им удавалось сохранить хоть малейшие реликты, зыбкие тени культуры предков. У многих не осталось даже тени: они были полностью истощены, приставлены к работе и затем расширяли механизм, который разрушил культуру их предков. А в мире работы они были оттеснены на самый край и должны были заниматься самым неприятным и низкооплачиваемым трудом.

Национализм продолжает привлекать этих изнуренных, потому что другие перспективы кажутся еще суровее. Культура предков уже разрушена, поэтому, с точки зрения прагматических стандартов, она потерпела провал; из предков выжили лишь те, кто приспособился к системе завоевателей и выжил на окраинах мусорных куч. Различные утопии поэтов и мечтателей, разнообразные «мифологии пролетариата» также потерпели неудачу, они не оправдали себя на практике, оказавшись всего лишь маревом, несбыточными мечтами, журавлем в небе; современный пролетариат настроен так же расистски, как хозяева и полиция.

Упаковщик и охранник потеряли контакт со старой культурой; мечты и утопии их не интересуют, отброшенные с практичным презрением бизнесмена к поэтам, бродягам и мечтателям. Национализм же предлагает им нечто конкретное, то, что было испытано, опробовано и, как всем известно, работает. Для потомков преследуемых нет никакой земной необходимости оставаться преследуемыми, когда национализм открывает перед ними перспективу превратиться в преследователей.

Близкие и дальние родственники жертв могут стать расистским государством-нацией; они сами могут загонять других людей в концлагеря, изгонять их по своей воле, вести против них геноцидную войну и, экспроприруя их, добывать первоначальный капитал. И если это могут делать «родственники по расе» гитлеровских жертв, то могут также близкие и дальние родственники жертв Вашингтона, Джексона, Рейгана или Бегина.

Любое угнетенное население может стать нацией, фотографическим негативом нации-угнетателя, местом, где бывший упаковщик становится менеджером супермаркета, а бывший охранник – шефом полиции. Используя правильную стратегию, любой охранник может последовать примеру преторианских гвардейцев Древнего

Рима. Полиция, охраняющая иностранный горнорудный трест, может провозгласить себя республикой, освободить народ и продолжать освобождать его до тех пор, пока люди не начнут молиться за то, чтобы их освобождение, наконец-то, закончилось. Еще до захвата власти какая-нибудь банда может назвать себя «фронтом» и предложить задавленным тяжкими налогами и постоянными полицейскими преследованиями беднякам что-нибудь такое, чего у тех нет: организацию, собирающую с них дань, и передовой отряд, то есть дополнительных сборщиков налогов и полицейских – на сей раз, «своих», «народных».

Таким путем люди могут быть освобождены от черт своих, ставших жертвами, предков; все реликты, которые выжили с доиндустриальных времен и из некапиталистических культур, могут, по крайней мере, постоянно вырываться с корнем.

Идея о том, что само понимание геноцида, память о Холокосте могут привести людей к желанию разрушить систему, ошибочна. Сохраняющаяся привлекательность национализма предполагает, что более верно обратное, а именно, что понимание геноцида ведет людей к мобилизации армий на дело геноцида; что память о Холокосте приводит людей к совершению новых Холокостов. Чувствительные поэты, которые оплакивают потери, ученые, которые подкрепляют их документами, похожи на тех «чистых» ученых, которые открывали строение атома. Прикладные ученые использовали их открытия для расщепления атомного ядра и производства оружия, которое может расщепить что угодно; националисты используют поэзию для того, чтобы расщеплять и соединять население, мобилизовать армии на геноцид и совершать новые Холокосты.

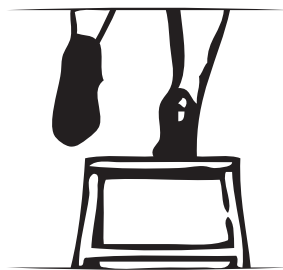
«Чистые» ученые, поэты и исследователи считают себя невиновными в опустошении сельских местностей и расчлени тел. Но разве они невиновны?

Мне представляется, что, по крайней мере, одно из замечаний Маркса справедливо: каждая минута, посвященная капиталистическому процессу производства, любая мысль, вносящая вклад в развитие индустриальной системы лишь расширяют еще больше ту власть, которая враждебна природе, культуре, жизни. Прикладная наука не есть нечто внешнее и чуждое, она – составная часть капиталистического процесса производства.

Национализм не падает с неба. Он – продукт капиталистического процесса производства, такой же как химические вещества, отравляющие озера, воздух, животных и людей, как атомные станции, заражающие радиоактивностью микро-среду и готовые заразить макро-среду.

В качестве постскриптума мне хотелось бы ответить на один вопрос еще до того, как он задан. Вот этот вопрос: «Не считаешь ли ты, что потомки угнетенных народов лучше в качестве менеджеров супермаркета или шефа полиции?». Я отвечу на него другим вопросом: А какой комендант концлагеря, национальный палач или пыточных дел мастер не является потомком угнетенного народа?

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Фреди Перлман
Непреходящая привлекательность национализма
1984 год

<https://aitrus.info/>

ru.anarchistlibraries.net